

## **Эвакуация ценностей Московского Кремля во время Отечественной войны 1812 года**

На протяжении многих веков Москва являлась столицей Московского княжества, а затем и русского государства, куда стекались налоги от зависимого населения, дань с подвластных земель, трофеи, добытые в многочисленных войнах, подарки от иностранных государей. Для хранения этих ценностей существовало специальное ведомство — Оружейная палата. С XVI в. она использовалась не только для производства оружия и предметов роскоши, но и как хранилище так называемой Большой казны, где находились наследственные сокровища русских царей.

В начале XVIII в., в годы царствования императора Петра I, производство оружия в Оружейной палате прекращается, и она объединяется с мастерскими, изготавливавшими одежду, украшения, оружие и прочие вещи лично для царя и членов его семьи. Новое ведомство получило название Мастерская и Оружейная палата. В его функции входило и хранение всех государственных сокровищ<sup>i</sup>.

С 1727 г. в Оружейную палату стали передаваться на хранение все государственные регалии, использовавшиеся при коронации русских императоров и императриц. Пополнению сокровищ Оружейной палаты способствовал указ 1736 г., предписывавший передавать в нее на хранение все имевшиеся с давних времен в различных московских учреждениях богатые конские уборы, старинное оружие и другие предметы, представлявшие ценность, а также все редкие вещи, «которые в диковинку», изымавшиеся при конфискациях<sup>ii</sup>.

В 1806 г. Оружейная палата переехала в специально построенное здание. В том же году по указу императора Александра I для ее управления были разработаны подробные правила. Принято считать, что именно с того времени Оружейная палата стала первым русским музеем отечественных древностей, фонды которого насчитывали более 10 тыс. предметов. Большую ценность представлял и архив их 1347 рукописных книг, содержавших подробное описание всех московских соборов и церквей, а также находившихся в них богатств, царской утвари, посуды, оружия, ратных доспехов, конской сбруи ит.д.

В 1807 г. появилось первое научное исследование «Историческое описание древнейшего Российского музея, под названием Мастерской и Оружейной палаты в Москве Обретающегося»<sup>iii</sup>. Москва являлась не только столицей русского государства, но и его религиозным центром. За счет хозяйственной деятельности и многочисленных пожертвований русская православная церковь скопила огромные богатства, часть из которых тратила на поддержание великолепия своих храмов. Молва о золотых куполах московских церквей разносилась далеко за пределы Российской империи. Именно от них вошло в обиход «Москва златоглавая».

Внутреннее убранство церквей также поражало своим великолепием. Как правило, ритуальные предметы, оклады икон, подсвечники изготавливались из серебра, украшались золотом и драгоценными камнями. Золотом и серебром расшивались и одежды священников. Поражали воображение дары, приносимые церкви. Например, боярин Морозов в XVII в. подарил Успенскому собору Московского Кремля серебряное паникадило весом 117 пудов<sup>iv</sup>. В каждой церкви имелось специальное помещение для хранения драгоценных предметов — ризница. Основные же сокровища русской православной церкви хранились в Патриаршей ризнице в Кремле<sup>v</sup>.

Таким образом, Москва представляла собой «лакомый кусок» для солдат Великой армии, цементирующим началом которой, кроме железной воли императора, являлся и заурядный грабеж побежденных стран. О том, что в случае захвата Москвы ее ждет неминуемое разграбление, знал и московский генерал-губернатор граф Ф. В. Растопчин. Именно он отвечал перед императором Александром I за порядок в столице и за эвакуацию из нее государственных и церковных сокровищ.

С приближением к Москве наполеоновских войск Ф. В. Растопчин попал в сложное положение. Для предотвращения паники среди населения он вынужден был уверять, что русская армия сильна и разобьет неприятеля на подступах к столице. После подобных заверений подготовка к эвакуации сокровищ Оружейной палаты и храмов Московского Кремля означала бы, что Ф. В.

Растопчин не верит в неприступность Москвы, и все его уверения в ее безопасности — попросту обман. Это могло вызвать волнения, а возможно, и бунт среди горожан, чего Растопчин ни в коем случае не мог допустить. Но он также не мог и жертвовать огромными ценностями, хранившимися в Москве, ради поддержания спокойствия среди населения. В такой сложной ситуации у Ф.В. Растопчина оставался только один выход — эвакуацию сокровищ из Оружейной палаты и храмов Московского Кремля подготавливать в строжайшей тайне и начинать ее лишь в том случае, если оставление Москвы станет неизбежным.

До августа 1812 г., несмотря на успешное продвижение наполеоновских войск в глубь России, в Москве и не помышляли об эвакуации. Первые признаки тревоги появились в начале августа, а окончательно определиться с решением о начале эвакуации Д.Ф. Растопчин должен был после получения известия о захвате Смоленска французами<sup>vi</sup>. С утерей этого важнейшего стратегического пункта неприятелю открывалась прямая дорога на Москву. Неудивительно, что, прочитав донесение о падении Смоленска, М.И. Кутузов сказал: «Ключ к Москве взят».

Именно после падения Смоленска начинается массовый выезд из Москвы наиболее состоятельной части ее населения. Ситуация в столице грозила выйти из-под контроля, перерасти в панику. Ее возникновению способствовали многочисленные слухи о том, что городская беднота, а также крепостные крестьяне подмосковных деревень, пользуясь напряженной обстановкой, готовы устроить резню дворян, ударив в набат. Дело дошло до того, что генерал-губернатор Москвы Ф.В. Растопчин отдал приказ перерезать веревки у колоколов и запереть колокольни.

Тем не менее, несмотря на падение Смоленска и нарастание паники среди горожан, Ф.В. Растопчин не отдавал прямого приказа о начале эвакуации. Он выжидал, боясь допустить ошибку. Если бы французы были разбиты на подступах к Москве, то такой приказ был бы поставлен ему в вину. Ф.В. Растопчин же рисковать не хотел и хранил до поры до времени молчание.

26 августа 1812 г. произошло знаменитое Бородинское сражение. Кровавопролитная битва не принесла ощутимого перевеса ни одной из сторон, армии остались на занимаемых позициях. Однако, трезво оценивая ситуацию, Кутузов приказывает русским войскам отступить. В письме Ф.В. Растопчину от 27 августа он сообщал о решении отойти на шесть верст от Бородино и занять новые позиции за Можайском, особо указывая, что «чистосердечие», с которым я Вам сие сообщаю, и намерения мои должны успокоить Москву<sup>vii</sup>.

Растопчин не решился сообщить населению об отходе русских армий, напротив, по городу распространялись антифранцузские листовки — «афишки» с карикатурами на Наполеона, в которых народ убеждали, что Москва не будет сдана и что никакая серьезная опасность ей не угрожает<sup>viii</sup>. Беспощадно пресекались любые слухи о возможной сдаче столицы. 28 июля Ф.В. Растопчиным отдается приказ «всем иностранцам, особенно французам, либо уехать из Москвы к себе на родину, либо следовать на барках во внутренние губернии России»<sup>ix</sup>. Вскоре после этого француз Турне «за преклонение умов к французам» был наказан 20 ударами плеткой и выслан в Тобольск. Еще двое иностранцев из числа проживавших в Москве, Токе и Шнейдер, получили «первый 20, а второй 30 плетей и поехали Нерчинск за лживое пророчество, что Наполеон будет обедать в Москве 15 августа»<sup>x</sup>.

В донесении императору Александру I от 1 сентября 1812 г. Ф.В. Растопчин писал: «До 26 числа я употреблял все средства к успокоению жителей и одобрению общественного духа, но поспешное отступление армий, приближение неприятеля и множество прибывающих раненых, коими наполнялись улицы, произвели ужас. Видя, что участь Москвы зависит от сражения, я решил содействовать отъезду малого числа оставшихся жителей. Головою ручаюсь, что Бонапарт найдет Москву столь же опустелою, как Смоленск. Все вывезено, комиссариат, арсенал»<sup>xi</sup>. Иными словами, если до Бородинского сражения Ф.В. Растопчин контролировал ситуацию в Москве, скрывая от населения истинное положение дел на театре военных действий, то после путем обмана поддерживать в столице порядок стало невозможно. Вина за возможные ошибки при эвакуации и ее несвоевременность, таким образом, перекладывалась Ф.В. Растопчиным на Кутузова, принявшего решение оставить Москву без боя.

Подготовка к эвакуации из Москвы основного хранилища государственных сокровищ Оружейной палаты началась после сдачи русскими войсками Смоленска.

Как писал один из российских историков начала XX в., «Ф.В. Растопчину приходилось уже не медлить с вывозом из Москвы всего, что не должно было достаться неприятелю. Кроме дел судебных, сенатских и архива министерства иностранных дел, пришлось увозить заведения императрицы-матери, государственную казну, патриаршую ризницу, сокровища соборов и монастырей, да еще 96 пушек»<sup>xii</sup>.

Поскольку одной из функций Оружейной палаты являлось хранение государственных сокровищ, можно предположить, что под государственной казной имелась в виду именно Оружейная палата. Другой документальный источник свидетельствует, что «начиная с 18 августа, когда враг был уже в Вязьме, то есть в каких-либо 20 верстах от Москвы, стали на скорую руку вывозить из Москвы казенное имущество: сокровища царские из Оружейной палаты, соборную и патриаршею ризницу, казну Воспитательного дома»<sup>xiii</sup>. Интересно замечание о том, что ценности вывозили «на скорую руку», т. е. в спешке, а также точная дата начала эвакуации Оружейной палаты — 18 августа. О ней же говорится и в книге «Русские и Наполеон Бонапарте», изданной в 1814 г., когда все события, связанные с эвакуацией Москвы, были еще свежи в памяти. Так вот, в этой книге утверждалось, что «царские сокровища отправили еще по занятию Вязьмы, т. е. после 18 августа»<sup>xiv</sup>. Есть основание считать эти сведения достоверными, так как еще 12 августа в письме к Багратиону Ф.В. Растопчин писал: «... если Вы отступите к Вязьме, я примусь за отправление всех государственных вещей»<sup>xv</sup>.

Как зафиксировано в одном из документальных источников, «все сокровища царские, под названием Оружейная палата, так равно и соборная ризница с богатейшими иконами Богоматери Иверской, Владимирской и проч., были вывезены заблаговременно... Сохранная казна Воспитательного дома, простирившаяся до 30 млн рублей, также под прикрытием караула была отправлена заблаговременно...»<sup>xvi</sup>.

Таким образом, ценности Оружейной палаты вывозили из Москвы одновременно с казной Воспитательного дома, причем время начала эвакуации относится к 18 августа. Известно, что всеми «богоугодными» заведениями в Москве, в том числе и казной Воспитательного дома, распоряжался Московский Опекунский совет. В его отчете об эвакуации записано: «...отправился обоз в 200 подводках 21 августа в среду поутру в 4 часа, дабы жителей города не встревожить. В Коломне погрузились на 2 баржи»<sup>xvii</sup>. В этом городе в спешном порядке были собраны речные суда, на которые перегрузили вывезенные из Москвы ценности, а затем перевезли их речным путем в Нижний Новгород.

Поскольку эвакуация Оружейной палаты и казны Воспитательного дома производилась одновременно, то на ее проведение было отведено лишь три дня, с 18 по 21 августа. За такой короткий промежуток время вряд ли было возможно вывезти всю Оружейную палату, фонды которой насчитывали более 10 тыс. предметов. В пользу данного предположения свидетельствует и информация из доклада историка С.Н. Цветкова под названием «Вывоз государственных сокровищ из Москвы в 1812 году». Он был озвучен в начале XX в. на заседании Общества ревнителей памяти войны 1812 г.<sup>xviii</sup>.

Из доклада следовало, что генерал-губернатор Москвы граф Ф.В. Растопчин стал принимать активные меры по эвакуации государственных сокровищ из Кремля только после окончания Бородинского сражения. За отбор предназначенных к эвакуации из кремлевских дворцов и храмов ценностей отвечали начальник дворцовой экспедиции, действительный тайный советник, сенатор и обер-церемонимейстер П.С. Валуев, а также чиновник этой экспедиции Поливанов. В обязанность последнего входила и подготовка отобранных ценностей к транспортировке. Для этой цели Поливановым было затребовано у Растопчина 250 лошадей.

Катастрофическая нехватка времени заставила чиновников отказаться от эвакуации наиболее громоздких исторических реликвий Кремля и украшений его храмов. В их число попали оконные рамы из серебра, старинное оружие и доспехи, гобелены, костюмы и платья. Бросить эти ценности без присмотра Поливанов права не имел. Выход был найден в создании многочисленных тайников на территории Кремля. Работа по их созданию шла одновременно с подготовкой к эвакуации отобранных ценностей. Заполнение тайников и их маскировка продолжалось вплоть до появления на

улицах Москвы передовых отрядов наполеоновских войск.

На протяжении 39 дней наполеоновская гвардия являлась хозяином Кремля. У гвардейцев было достаточно времени для планомерного и тщательного поиска тайников. Сам Валуев, в числе первых наведавшийся в Кремль после оставления Москвы наполеоновской армией, вынужден был признать факт их разграбления. Не удалось вывезти из Москвы полностью сокровища церквей и монастырей. В отличие от Оружейной палаты и других правительственных учреждений, церкви были постоянно открыты для посещения и «наружное боголепие храмов Божьих, то, что ежедневно у всех было в глазах, оставалось в прежнем виде»<sup>xxix</sup>. В связи с этим обстоятельством, сохранить в тайне подготовку к эвакуации находящихся в них ценностей не представлялось возможным. Надо также учитывать, что действующие церкви играли важную роль в сохранении и поддержании порядка, и поэтому власти «совершенным опустением церквей опасались взволновать умы народа»<sup>xxx</sup>.

По этой же причине было не полностью вывезено имущество одного из богатейших соборов московского Кремля — Успенского. Дело в том, что 1 сентября в нем проводили заранее объявленную торжественную литургию о поражении Наполеона, спасении Москвы и Российского государства, на которой присутствовало много народа. По окончании литургии управляющий Московской епархией архимандрит Августин хотел тотчас же отправить в Вологду оставшиеся в Успенском соборе драгоценности, святые мощи и иконы, однако Растопчин не дал на это согласия, считая, что такие действия приведут к народным волнениям

У него были основания так считать, памятуя о том недовольстве, с которым пришлось столкнуться при подготовке к вывозу из Москвы чудотворных икон Иверской и Владимирской Божьей матери. Они почитались в народе покровительницами столицы. Опасаясь, что эти иконы тайно увезут из Москвы, после чего французов ничто уже не остановит, жители установили круглосуточную охрану у кафедрального собора и Иверской часовни, где они хранились. С большими трудностями иконы были отправлены в безопасное место буквально накануне оставления Москвы<sup>xxxi</sup>. Для этого, по совету Ф.В. Растопчина, пришлось прибегнуть к обману. Вот выдержка из его письма к Августину:

«Нечаянное решение князя Кутузова оставить Москву злодею, должно просить и Ваше Преосвященство отправиться немедленно, но именем Государя сообщая Вам, чтобы Владимирскую, Иверскую и Смоленскую Богоматерей взяли с собою. Народ ночью сего не приметит, а предлог, что им хочет молиться войско. Путь Ваш на Владимир»<sup>xxxii</sup>.

Понимая, что церкви станут объектом грабежей, как это случилось в Вязме, московский митрополит Платон в последних числах августа отдал распоряжение священникам и настоятелям монастырей по возможности вывозить сокровища и драгоценности из столичных церквей. Ему даже удалось добиться от Ф.В. Растопчина выделения 300 подвод<sup>xxxiv</sup>.

Впрочем, этого было явно недостаточно, да и времени для подготовки эвакуации оставалось совсем немного. Предполагалось, что церковное имущество будет вывезено в Вологду. Только в 3 часа ночи 1 сентября обоз с наиболее ценными предметами из московских монастырей во главе с архимандритом Заиконоспасского монастыря Симеоном покинул Москву, однако в церквях оставалось еще множество драгоценностей<sup>xxxv</sup>.

Оставались невывезенными и одни из главных святынь православного христианства — мощи святых, хранившиеся в главных соборах московского Кремля — Успенском и Архангельском. Епископ Дмитровский, Московский викарий Августин, отвечавший за сохранность ценностей и святынь московских церквей, распорядился, чтобы «мощи святых, почивающие в Успенском соборе, ежели злодей вступит в Москву выняли из раков, и положили бы в гробницы, находящиеся над гробами патриархов; подобно сему учинили бы и с мощами в Архангельском соборе». Далее Августин объясняет, почему нельзя было эвакуировать мощи православных святых из Москвы: «Вывести с собою святых мощи, или скрыть их, когда я еще был в Москве, никак не можно было. Я скрыл было мощи Преподобного Саввы в Савин монастырь, но народ, узнав о том, пришел в ужасное отчаяние и волнение. Поэтому тотчас приказал я положить их на свое место, а скрыть тогда, когда будет неминуема опасность от неприятеля»<sup>xxxvi</sup>.

Фактически, Растопчин принес ценности московских храмов в жертву, рассчитывая таким образом как

можно дольше скрывать от народа правду о необходимости оставления Москвы. В связи с этим очень интересно свидетельство епископа Дмитровского, московского викария Августина, писавшего в отчете Святейшему Синоду: «...я лично сносился с графом Растопчиным и представлял ему, чтоб во всех церквях и монастырях, обобрав серебряные утвари и другие драгоценности, отправить их из Москвы. Но граф не мог на сие согласиться, сказав, что церковное серебро, если попадет в руки неприятелю, не может сделать значительного для России убытка, а между тем отобрание церковных утварей может произвести в народе волнение и опасное смятение, а паче когда Москва угрожаема и потрясаема была приближением неприятеля...»<sup>xxvii</sup>.

Растопчин требовал неукоснительного выполнения предписаний. В том же письме Августин сообщал, что «звенигородский протопоп за то, что некоторым священникам своего уезда советовал убирать церковные утвари, по рапорту звенигородского городничего, господином гражданским губернатором Обресковым и самим графом требован был к ответу»<sup>xxviii</sup>. Такие суровые меры возымели действие — множество серебра из церквей вывезти не успели, и оно досталось в качестве трофеев солдатам Великой армии.

Таким образом, несмотря на уверения Ф.В. Растопчина, полностью эвакуировать ценности Оружейной палаты и храмов Московского Кремля не удалось ввиду нехватки времени и транспортных средств. Подтверждением тому служат слова самого Ф.В. Растопчина, который 8 ноября 1812 г. в разговоре с Августином заявил, что «неприятель застал в Москве много как жителей не вышедших, так и сокровищ не вывезенных...»<sup>xxix</sup>. После ухода из столицы русских войск все в ней оставшееся превратилось в военную добычу Великой армии.

## ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>i</sup> Брокгауз и Эфрон: Энцикл. словарь. СПб., 1897. Т. 22. С. 212-213.

<sup>ii</sup> Там же. СПб., 1895. Т. 26. С. 114-115.

<sup>iii</sup> *Валуев С.* Историческое описание древнего Российского музея под названием Мастерской и оружейной палаты в Москве обретающегося. М., 1804. Ч. 1. С. 2.

<sup>iv</sup> *Малиновский А. Ф.* Обзорение Москвы. М., 1992. С. 98.

<sup>v</sup> *Вельтман А.* Достопамятности Московского кремля. М., 1843. С. 30.

<sup>vi</sup> *Бахрушин С.В.* Москва в 1812 году. М., 1913. С. 13.

<sup>vii</sup> *Кутузов М.И.*: Письма, записки. М., 1989. С. 327.

<sup>viii</sup> РГИА. Ф. 797. Оп. 1. Д. 4462. Л. 5-6.

<sup>ix</sup> *Эрстрем Э.Г.* Россия в 1812 году // Наше наследие. 1991. № 6. С. 71.

<sup>x</sup> *Федоров В.П.* Москва в эпоху Отечественной войны. М., 1911. С. 7.

<sup>xi</sup> *Богданович М. И.* История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам. СПб., 1859. Т. 2. С. 268.

<sup>xii</sup> Москва в 1812 году. М., 1912. С. 58.

<sup>xiii</sup> *Бахрушин С.В.* Указ. соч. С. 13.

<sup>xiv</sup> Русские и Наполеон Бонапарте. М., 1814. С. 63.

<sup>xv</sup> *Ниве П.А.* Отечественная война. СПб., 1911. Т. 3. С. 351.

<sup>xvi</sup> Сын Отечества. СПб., 1813. Ч. 4, № 9. С. 112.

<sup>xvii</sup> Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П.И. Щукиным. М., 1900. Т. 5. С. 167.

<sup>xviii</sup> *Минский Ю.* Верейский след сокровищ Бонапарта // Клады и сокровища. 1998. №5,6.

<sup>xix</sup> *Глинка С.* Прибавление к русской истории. М., 1818. С. 65.

<sup>xx</sup> РГИА. Ф. 797. Оп. 1. Д. 4449. Л. 1.

<sup>xxi</sup> *Богданович М.И.* Указ. соч. С. 268.

<sup>xxii</sup> Москва в 1812 году. С. 64.

<sup>xxiii</sup> РГИА. Ф. 797. Оп. 1. Д. 4449. Л. 3.

<sup>xxiv</sup> *Бахрушев С. В.* Указ. Соч. С. 138

<sup>xxv</sup> РГИА. Ф. 797. Оп. 1. Д. 446. Л. 6.

<sup>xxvi</sup> РГИА. Ф. 797. Оп. 1. Д. 4462. Л. 6.

<sup>xxvii</sup> Там же. Л. 5.

<sup>xxviii</sup> Там же. Л. 6.

<sup>xxix</sup> Там же. Д. 4449. Л. 18.